

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

© М. В. Смирнова-Сеславинская

МИГРАЦИИ ЦЫГАНСКИХ ГРУПП И ФОРМИРОВАНИЕ ЦЫГАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVII – НАЧАЛЕ XX в.

Ключевые слова: Российская империя, формирование цыганского населения, сервисный номадизм, миграции, этнические группы цыган

В статье на основе предыдущих исследований автора рассматриваются причины и сроки появления в Российской империи крупнейших этнических групп цыган, в XVII – начале XX в. составивших основу цыганского населения России: сэрвов, русских цыган, влахов, кишиневцев, крымских цыган, кэлдэрарей, ловарей. Кратко анализируется история формирования цыганского населения России в контексте основных тенденций государственной политики в отношении цыган, выделяются крупнейшие этапы этого процесса. Используются результаты историко-этнографических и лингвистических исследований, архивные и печатные источники, переписи, государственные акты Российской империи, полевые материалы.

DOI: 10.31857/S086954150000408-8

Цыганское население Российской империи (РИ) и СССР представляло собой ряд этнических общностей или их региональных подразделений, культура которых изучена в разной степени. Они различались по времени появления в стране, областям расселения, регионам первоначального формирования, диалектам и языкам коммуникации. Кроме того, данные группы отличались друг от друга традиционными занятиями и особенностями взаимодействия с окружением, в том числе цыганским. Этнодиалектные и этнографические описания цыган начали предпринимать в РИ с XIX в., но, если не считать отдельных исследований цыган Малороссии (1890) и Бессарабии (1962–2000), изучение истории цыган РИ, СССР и постсоветского пространства начинается с 2000-х годов (см. *Смирнова-Сеславинская* 2016: 6–7). Исследование этнических и социальных аспектов истории цыганского населения РИ и России предпринято в статьях Е. Марушиаковой и В. Попова, В.Н. Шкунова, М.В. Сеславинской, А.В. Черных; ряд архивных данных введен Н.И. Киреем и О.А. Сердюк, Д.Н. Денисовым, В.Н. Шайдуровым. Настоящая работа обобщает наши предыдущие публикации и учитывает весь комплекс введенных данных, включая исследования устной истории цыган конца XIX – XX вв. Г.Н. Цветкова. Данные, которыми мы сейчас располагаем, не позволяют провести детальный анализ миграций на локальных уровнях. Однако мы не ставим такой задачи, а наме-

Марианна Владимировна Смирнова-Сеславинская | <https://orcid.org/0000-0002-7914-8651> | gomaupion@mail.ru | к. филос. н., руководитель Отдела истории цыган | Институт европейских исследований цыган и преступлений против человечества и международного права (ул. Анастасии Пулье 10, округ Земун, Белград, 11080, Сербия)

Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 83–99. <https://doi.org/10.31857/S086954150000408-8>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

чаем основные тенденции миграционных процессов. Актуальность и новизна работы состоят в исследовании факторов и этапов формирования цыганского населения РИ в XVII – начале XX в.¹ на основе анализа миграций и с учетом границ цыганских общностей.

Типы миграций цыган и их факторы

Внутренние факторы миграций цыган обусловлены поисками и контролем экономических ниш в рамках традиционной социальной организации и уклада. Так, семейно-родовые группы цыган, поддерживавшие традиционную мобильность, были *монопрофессиональны*. Они обеспечивали себя одним основным занятием. Это была либо работа по металлу, либо производство деревянных изделий, барышничество или другие виды деятельности. Основные вспомогательные занятия – торговля, хозяйственные услуги, гадание (обычно женское), попрошайничество. Конкурентность групп, практиковавших одно занятие, лежала в основе разделения между ними территории на семейно-родовые *ареалы кочевания* (Андроникова 2006: 590–591; Хюбшманова 2003; Смирнова-Сеславинская 2010). Нормы разделения экономического пространства до сих пор действуют в тех цыганских группах, которые сохраняют, в той или иной форме, принципы традиционной социальной организации и жизнеобеспечения (ПМА 1). В результате демографического роста цыганской общности происходит *поколенческое распространение* ее сегментов (Хюбшманова 2003: 286, 305), занимающих в новых ареалах привычные экономические ниши, а в случае их отсутствия – переходящих в новые². Таким образом, при росте группы происходит *расширение ареала ее расселения* и/или ее *социально-экономическая стратификация*. Принцип монозанятия на уровне семейно-родовых групп сочетается с социопрофессиональной стратификацией на уровне различных цыганских общностей, при котором их сегменты, занимающие одну территорию, интегрированы в разные секторы экономического пространства. Данные принципы, очевидно, лежат в основе функционирования (этно)социумов, составляющих часть доиндустриальных традиционных обществ, и сохранялись у цыган в рамках культурной непрерывности еще с индийского периода и после их переселения в Переднюю Азию, Византию, средневековую Европу.

В условиях асимметричной конкуренции с окружением, ограниченных связей за пределами локальных и/или семейно-родовых коллективов, недостаточное качество и количество доступных экономических ниш компенсируется контролем большей территории. Поэтому меньшинствам-мигрантам присущи повышенная мобильность и занятия торговлей, посредничеством, некоторыми видами предпринимательства, в том числе нелегального (Дятлов 2000). При оседании такие группы сохраняют повышенную мобильность и могут часто менять место жительства, при этом дальность и направление их миграций определяются доступом к ресурсам. Этот экономически обусловленный мобильный уклад трактуется как *сервисный (обслуживающий), торговый нонмадизм* и пр. (Hayden 1979; Rao 1987; Марушиакова 2004).

В ходе распространения по Европе цыганские группы расселялись по разным странам и интегрировались в их общества. Россия находилась на восточной периферии цыганских миграций XV–XVII вв.; ко второй половине XVII в. на ее западных границах сложились цыганские общности, придерживавшиеся ареалов расселения поляков, белорусов, украинцев, финнов, латышей. Их массовое появление в пределах России было вызвано *внешними факторами*: войнами, изменением границ и другими причинами массовых миграций³. В некоторых случаях переселения следовали за изданием антицыганских законов⁴. Присутствие и передвижения цыган в РИ фиксировались в податных ведомостях, документах канцелярий, нормативных актах, записках путешественников, а также отразились в нормах права. Это позволяет наметить датировку расселения цыган, в некоторых случаях (опираясь на этнолингвистические и этнографические данные) – с учетом их этногрупповой принадлежности. Фактура источников и их сравнительный анализ позволяют гораздо легче выявить направления миграций и ареалы расселения крупных этнических общностей, чем регулярные передвижения отдельных таборов⁵. Здесь нас интересуют передвижения цыганских групп, которые связаны с освоением ими, под действием различных причин, новых регионов.

Вторая половина XVII – конец XVIII в. Формирование и расселение “старожильческого” цыганского населения РИ

Цыгане присоединенных территорий, 1654–1730-е гг. Массовое появление цыган на границах Российского государства связано с присоединением в 1654–1667 гг. Смоленщины, областей Северщины и Малороссии (части современной Левобережной Украины). Во второй половине XVII в. происходит активное заселение и социально-экономическое развитие Слободской Украины, рост приграничной торговли и промыслов, что стимулировалось отсутствием налогов и податей на Слободжанщине и в Малороссии, самоуправлением казаков, правом вольного перехода из полка в полк между этими двумя областями, которое действовало в продолжение почти ста лет. Цыгане *сэрвы* и, возможно, *влáхи* (диалект и культура которых формировались под сильным влиянием украинцев) жили среди запорожцев, о чем говорят некоторые фамилии и прозвища последних (*Бодянский* 1875). В Малороссии эти группы появились не позже первой трети XVII в. На Слободжанщину цыгане передвигались вместе с казаками и украинцами после присоединения к России в 1660-х годах западных территорий (*Смирнова-Сеславинская* 2016а: 30–33). Самое раннее известное упоминание о цыганах в пределах Российского государства (гор. Змиев Харьковской губ.) относится к 1699 г. (ОР РГБ). Как и в XVII, в XVIII в. ареал передвижений цыган Слободжанщины включал южные области Великодержавии, Малороссию и некоторые районы Польши, что связано с формированием торговых связей и отражено в прямых и косвенных данных (*Плохинский* 1905: 196–197; *Смирнова-Сеславинская* 2016а: 28–29).

В северных областях Северщины, Смоленской, Псковской областях России проживали *русские цыгане* – общность, которая сложилась в процессе переселения на территории, занятые русскоговорящим населением, носителей северо-восточных цыганских диалектов – выходцев из ареалов распространения польского, белорусского и литовского языков. Известны данные о цыганах Смоленщины 1722 г.,⁶ связанные с прошением цыгана Масальского к Сенату передать ему в ведение всех цыган в Смоленской губ. (*Соловьев* 1896: 774)⁷.

В результате Северной войны (1700–1721) Россия получила Ингерманландию (часть современной Ленинградской обл.), Карелию, Лифляндию, Эстляндию с местным цыганским населением – *лотфйтка ромá*, переселившимися в XVI–XVII вв. в Латвию польскими цыганами (*Tcherenkov* 1969: 13), и *финска ромá* (*Смирнова-Сеславинская* 2016а: 33–35)⁸. В 1733 г. вышел указ о податях в отношении цыган-барышников в области Петербурга (ПСЗРИ I, № 6481); вероятно, это были местные старожилы *финска ромá*, или же предки современных *русска ромá*. В первой половине 1730-х гг. неоседлые цыгане (предположительно *русска ромá*) упоминаются современниками, которые видели их на улицах Москвы (*Пыляев* 1891: 23).

Миграционная активность цыган Малороссии и Слободжанщины в 1654–1760-е гг. После присоединения указанных областей к России основная масса цыган проживала в этих ареалах. Наиболее активное движение цыган во внутренние области РИ было отмечено в 1760-х гг. со стороны Слободжанщины. До этого на протяжении 100 лет (с 1660-х годов) казаки и расселенные среди них цыгане пользовались самоуправлением и рядом льгот: беспопылинной торговлей, изъятием от налогов и податей (ПСЗРИ I. № 115, 119, 133, 449, 1279, 1771, 2027, 2585). Это способствовало развитию торговли и миграций цыган в обширном регионе, включавшем южные области Польши, Малороссию и южные регионы России со Слободжанщиной, что отмечено в источниках (Данные Харьковского исторического архива Малороссийской коллегии. № 3452, 2412, 422, 12706, 4921; цит. по: *Плохинский* 1905: 196–197; *Смирнова-Сеславинская* 2016а: 28–29, 32–33). В этом ареале в указанный период развивалась трансграничная торговая активность населения, что соответствует зоне распространения монет *чехов* (*Смирнова-Сеславинская* 2016а: 29, 32–33). Локальные миграции цыган в регионе были в основном связаны с местной экономической динамикой. Причиной уменьшения численности цыганского населения в Малороссии 1738 г. были крымские походы, которые привели к ухудшению благосостояния края (Данные Харьковского исторического архива

Малороссийской коллегии. № 12706, 4921; цит. по: *Плохинский* 1905: 197); кроме этого, в периоды уплаты сборов цыгане, зарегистрированные в Малороссии, массово переместились на Слобожанщину, и наоборот (*Плохинский* 1905: 207).

Расселение цыган во внутренних и южных губерниях РИ. Комиссия Слободских полков, обратив внимание на недостаточность сборов с цыган, обнаружила, что в 1762–1764 гг. значительная часть цыган Слобожанщины ушла на промыслы в Белгородскую, Воронежскую, Астраханскую, Московскую и Казанскую губернии⁹ и не возвратилась обратно (ПСЗРИ I. № 12587: 597, 599–600). Манифестом Екатерины II 1765 г. Слобожанщина была преобразована в губернию (ПСЗРИ I. № 12342, 12344, 12440), в результате чего казачье население лишилось ряда льгот (кроме личной свободы, добычи соли и винокурения). Казаки стали войсковыми обывателями с уплатой подушевого налога. Владельческие подданные (имевшие право перехода между помещиками) были закрепощены. После окончательной отмены гетманства в 1764 г. (ПСЗРИ I. № 12277) в Малороссии в 1765 г. был ликвидирован институт цыганского атаманства, “и цыгане были поставлены в зависимость от сотенных полковых правлений и сравнены с прочими обывателями” (*Плохинский* 1905: 204, 208). Тогда цыгане отказались перейти в крестьянское сословие и стать оседлыми (из 4441 чел. согласились только 11); с 1767 г. им был назначен семигривенный оклад и предписано приписаться к обществам, с разрешением отходов только по паспортам от местных канцелярий (ПСЗРИ I. № 12587: 597, 602–603).

Ликвидация социально-экономических преимуществ населения Слобожанщины – важная (хотя, видимо, опосредованная) причина миграций цыган из этого региона, перемещавшихся вместе с окружением. Так, в 1760-х годах украинцы и казаки “цельными толпами” шли из полков в другие местности, в частности, на Дон,¹⁰ где они начали появляться еще с конца XVII в. В 1763 г. украинцев на Дону было уже 20 тыс. душ. Там они сохраняли право вольного перехода (смены полка и даже ухода в Малороссию) до 1796 г. (*Багалей* 1887: 564). В процессе строительства Цареградской, Оренбургской и других линий в 1730–1740-х гг. власти стимулировали расселение украинцев и казаков от Днепра до Дона и вверх от нижней Волги, к Оренбургу¹¹ (Там же: 564–567; ПСЗРИ I. № 8887, 12000 и др.). На всех этих территориях издавна были расселены цыгане-сэрвы, которые переселялись вместе с украинским и казачьим окружением. Вторая причина миграций цыган из Слободских полков – заметный рост населения полков в XVIII в. (*Багалей* 1887: 563). В частности, в этот период украинцы заселяют Воронежскую губ. (Там же: 564), которая также является давним ареалом расселения сэрвов. Таким образом, реформы, видимо, ускорили процессы расселения цыган, обусловленные демографическими и экономическими причинами. Хотя массовые уходы цыган отмечены в 1762–1764 гг., данные об их отдельных группах за пределами региона встречаются раньше. Так, 18 цыган были внесены в списки населения Саратова в 3 ревизии (1761 г.)¹²; в 1721 г. группа в 50 цыган, шедшая к китайской границе, была остановлена у Тобольска (*Bell* 1763: 157–158). У нас нет данных о первых цыганах на Дону и на южных степных окраинах России¹³, но группа цыган у Тобольска с ослами (*Bell* 1763: 157–158) указывает на ее движение из южных степных районов дорогами среднеазиатских торговцев (*Смирнова-Сеславинская* 2016а: 43–44). Все перечисленные регионы расселения украинцев в европейской России – области проживания “украинских цыган”: сэрвов и влахов¹⁴.

До начала причисления неоседлых цыган к сословиям (с 1783 г.) они составляли отдельную податную группу. Податные ведомости нескольких областей Слобожанщины за 1760–1774 гг. (*Багалей* 1890: 236–318) показывают высокий уровень мобильности местных цыган: большинство в течение нескольких лет меняло место приписки и уплаты сборов, у части небазились недоимки (видимо, из-за длительного отсутствия). Часть цыган Малороссии, приписавшихся к обществам в период реформ, затем уходили, получив паспорт на ярмарку, и не возвращались обратно в течение длительного времени (*Плохинский* 1905: 205). Так было и на Слобожанщине. И тогда, и ранее отмечены отдельные оседлые семьи, проживавшие на присоединенных территориях,

где цыгане были “старожилами”. Это данные 1760-х гг. об оседлых цыганах Малороссии, отбывавших “общенародные повинности” (Плохинский 1905: 196, 201), о некоторых цыганах Белоруссии¹⁵.

Цыгане на Урале и в Сибири. Помимо использования южного пути (переселение цыган в Тобольск), цыгане переходили в Сибирь через Средний Урал¹⁶. В 1767 г. они были отмечены в Оренбургской губ. (Сборник Русского Исторического общества. Т. 8. 1871: 431; цит. по: Денисов 2013: 44). Их окончательное расселение в Западной Сибири произошло не позже, чем в последней четверти XVIII в. (Данные Тобольского отделения Государственного архива Тюменской области. Ф. 10. Inv. № 1. В. 122. Ф. 402. Fol. 1–4; цит. по: Sanarov 1970: 126, 134). В XVIII–XIX вв. цыгане Сибири, как и сейчас, концентрировались в Тобольской и Томской губ. (ПВПН. Т. 2: XVI), т.е. в ареалах проживания русских. Так называемые *сибирские цыгане*, или *сибиряки*, формировались из тех же групп, что и *русские цыгане*, и сейчас рассматриваются как подразделение последних (Sanarov 1970; Черенков 2006: 116–117, 2008: 494–495). Самоназвания этих двух крупнейших региональных групп фактически одной суперобщности связаны с традиционными обозначениями: России – европейской части РИ, и Сибири – ее азиатской части. Этнографические данные подтверждаются историческими: например, в 1792 г. в Тобольской губернии обнаружен табор “белорусских цыган” в 113 чел., зарегистрированный на полковника Ингерманландского полка Алексея Мельгунова; табор до этого много лет перемещался по Новгородской губернии (цит. по: Shaidurov 2017: 1210).

Миграции и формирование цыганского населения регионов РИ в 1770–1860-е годы

Присоединение областей Речи Посполитой в 1772–1795 гг. со временем стимулировало интрузию и миграции цыган из этих регионов. В переписке губернатора Новороссии от 19.01.1786 г. обсуждалась возможность перевода из Польши в Таврическую обл. до 500 семей польских цыган для занятия земледелием, но дальнейших сведений об этом не обнаружено (Киреенко 1897: 7; Скальковский 1850: 319). Акт 1846 г. содержит сведения о “не перестающих появляться” в разных губерниях кочующих цыганах, которые чаще всего называли себя выходцами из Польши и Пруссии (ПСЗРИ II. № 20692: 639). Ранее, в 1831 г., был издан указ о пропуске во внутренние губернии РИ жителей российской Польши, согласно которому возвращаться обратно им запрещалось (ПСЗРИ II. № 4419); в 1836 г. вышел указ о разрешении жителям сопредельных областей Пруссии приходить на заработки в Россию (Там же, № 9227)¹⁷. Автономная Польша в первой половине XIX в. издавала антицыганские законы, ужесточившиеся в 1840-х годах (Ficowski 1985: 65–67), что вызвало новые волны переселений. Часть мигрантов XVIII–XIX вв. влилась в общность *сибирских цыган*, о чем говорят диалектные и этнографические данные (Sanarov 1970: 126–128; Ficowski 1985; Черенков 2006: 116–117, 2008: 494–495; и др.).

Заселение Новороссии. Запорожская Сечь была окончательно присоединена к РИ во второй четверти XVIII в. Жившие среди казаков цыгане (*сэрвы*, предположительно *влáхи* и некоторые др.) занимались кузнечеством, коновальством, а также водили медведей (ВСОРИ: 98). Согласно политике заселения Екатеринославской губернии, после ликвидации Сечи в 1775 г. туда мигрировали жители соседних российских губерний, Заднепровья и северных уездов Малороссии (Кабузан 1976: 127–128, 132). В 1792 г. там было отмечено 1000 чел. цыган – государственных крестьян, половина которых в 1794 г. вышла из сословия (Скальковский 1836: 231). В 1970 г. в губернию переселили группу финских цыган (РГИА.Ф. 1374. Оп. 1. Ед. хр. 164. Л. 1, 2)), хотя в целом регион тогда заселялся сэрвами, что соответствует описаниям XIX в. (Буницкий 1861) и другими данными о сэрвах Восточной Украины (ПМСЦ 2). Также к концу XVIII в., видимо, относится и массовое передвижение в Новороссию *влахов* из Заднепровья. В 1770 г. из санджака крепости Бендер, после взятия ее российскими войсками, в Новороссию переселили 456 душ кочующих цыган обоюбого пола с пятью атаманами (ВСОРИ: 98; Скальковский 1850: 319). Исследователи Новороссии отмечали, что впоследствии они все ушли из региона (цит. по: Varannikov 1934: 10).

Цыгане Крыма и формирование крымских цыган¹⁸. При присоединении Крымского полуострова в 1774–1783 гг. в состав населения РИ вошел слой цыган – старожилов Крыма (*урмачель*, экзоним тур. *чингенé*), татароговорящих мусульман, глубоко интегрированных в татарские общества. Он сложился в результате ряда миграций из областей Османской империи (*Заатов* 2008: 196–197; *Марушиакова, Попов* 2007: 218). Предки современных *крымских цыган-ромов (крымов)* – выходцы из Бессарабии, где они сохранились под названием *урсарей*¹⁹. Они, очевидно, пришли в Крым двумя волнами (Там же: 217–218, 227; *Смирнова-Сеславинская* 2016б: 17), связанными с: 1) с ушедшими в 1770-х гг. из Новороссии цыган Бендер (см. выше), и 2) во время военных действий в Бессарабии в 1806–1807 гг. или сразу после ее присоединения в 1812 г. (*Черенков* 2008: 496; *Смирнова-Сеславинская* 2016б: 16–17). Местные цыгане и татары называли переселенцев крымскотатар. *аюджилар*, что, как и рум. *урсарь*, означает “вожаки медведей, медвежатники”. В дунайские княжества предки современных *урсарей* пришли во время переселения цыган с юго-запада на северо-восток Османской империи примерно во второй половине XVII в. (*Марушиакова, Попов* 2007: 227). Их уход из Бессарабии был обусловлен рядом причин: сменой официальной религии в регионе после его перехода к РИ (*урсари* в XVIII в. были, предположительно, мусульманами), уходом мусульманского окружения (в частности, ногайцев), военными действиями и экономическими трудностями²⁰. Первоначальные зоны формирования *крымов* связаны с ареалами проживания ногайцев в северном Крыму и материковой зоне Таврической губернии, что подтверждается лингвистическими, статистическими и косвенными этнографическими данными XIX в. (*Смирнова-Сеславинская* 2016б: 17–26). Возможно, часть *крымов* мигрировала на полуостров вместе с ногайцами (*Марушиакова, Попов* 2007: 217; *Смирнова-Сеславинская* 2016б: 17–19), т.к. была связана с ними экономически и конфессионально (*Смирнова-Сеславинская* 2016б: 11–13, 18). Как общность они сложились предположительно в первой половине XIX в., до эмиграции в 1860-х годах в Турцию ногайцев материковой зоны и крымских татар; в дальнейшем большинство *крымов* передвинулись в южную часть полуострова, где была выше плотность татарского населения (Там же: 19)²¹. В конце XIX в. они расселились среди татар северных и в особенности южных уездов Крыма, в материковой части Таврической губернии и на Кубани (ПВПН, цит. по: *Смирнова-Сеславинская* 2016б: 20–26). В период голода в Крыму в начале 1920-х годов *крымы* мигрировали в Северное Причерноморье и на Кубань, где преимущественно проживают и сейчас (*Торопов* 2010: 12; ПМСЦ 2). В результате голода на Кубани (1933), бегства от фашистских войск (1942) и голода 1946–1947 гг. часть *крымов* Кубани передвинулась в Западную Грузию (*Торопов* 2004: 12).

Миграция цыган Бессарабии и Новороссии в период реформ. В 1812 г. к РИ была присоединена Бессарабия с многочисленным цыганским населением – $\frac{1}{5}$ цыган РИ, по данным переписи 1897 г. (посчитано по: Первая всеобщая перепись 1897). Они составляли крепостное население области, из которых реальными крепостными были только оседлые владельческие цыгане (*ватраши* и др.). Наиболее многочисленными были неоседлые и полуседлые ремесленные и торговые группы *лаэшей (läieshi, или țigani de laie – “таборные цыгане”)* (*Achim* 1998: 89), которые хорошо сохраняли традиционную социальную организацию и культуру, а также цыганский язык (*Kogalnicăan* 1837: 19). *Лаэши*, часть которых принадлежала короне²², жили своими занятиями и передвигались, где им было угодно; их обязанность заключалась только в уплате подати (*Ibid*: 15–16, 19).

Реформы в Бессарабии, начавшиеся с отменой ее самоуправления в 1828 г., коснулись, в первую очередь, неоседлых цыган. В 1829 г. были организованы два государственных крестьянских поселения цыган в Буджаке (ПСЗРИ II. № 2665: 105–106), куда перевели *линеурарей* Центральной Бессарабии (*Егунов* 1864: 115; *Анципов* 2000: 67–68). В 1839 г. вышел Высочайший указ Николая I о переводе на оседлость цыган РИ, а в 1840 г. – соответствующие акты (ПСЗРИ II. № 12104, 13188, 13393). В то же время, в целях защиты присоединенных территорий и их сельскохозяйственного освоения, от Буджака до Кубани происходит реорганизация казачьих войск. Вследствие этого Вы-

сочайшим повелением от 29.05.1839 г. все неоседлые государственные цыгане Бессарабии и Новороссии были отнесены к Военному ведомству, с переводом их в казаки Дунайского и Азовского казачьих войск (ПСЗРИ II. № 21555: 729-730; 24114: 408), что вызвало многолетнее сопротивление значительной части цыган Дунайского войска²³ (*Бачиньска* 2008: 19–22). Политика “оказачивания” цыган усугублялась тяжелой социально-экономической ситуацией в самой Бессарабии. Часть водворенных цыган ушла из войска, а другие, приписанные к войску, вообще там не появились²⁴. Через некоторое время власти легализовали такие семьи, *de facto* вышедшие из казачьего сословия. Так, в конце 1846 г., в продолжение указа 1839 г., цыганам, желавшим водвориться в городах или казенных селениях, был дан еще год приписки к сословиям (ПСЗРИ II. № 20692: 638–640). В 1847 г. часть приписанных к войскам цыган была обнаружена в Измаиле (11 семейств), Бахчисарае и Симферополе (499 чел.); их оставили в этих местах. В 1850 г. еще часть цыган отчислена из войск как беглые (ПСЗРИ I. № 21555: 729–730, 24114: 408).

Православные цыгане Бессарабии, Приазовья, Предкавказья, Крыма. Цыгане-казаки Приазовья, интегрированные в общества украинцев, были преимущественно *сэрвами*; к казакам Бессарабии и Новороссии были приписаны *лингүрари*, *урсари*, *лаёши* (Данные Государственного архива Краснодарского края, цит. по: *Кирей* 2010: 17). Идея причисления цыган к казачьему сословию имела историческую основу: часть *сэрвов* (и, возможно, *влахов*) жила среди казаков Запорожской Сечи, Слободских полков, на Дону (см. выше). К 1832 г. относится упоминание о группе цыган Предкавказья, которые вместе с другими станичниками были переведены в линейные казаки для усиления обороны Кавказской линии (ПСЗРИ II. № 5796: 883–884; № 5834: 910–911). Очевидно, это были многочисленные в Ставрополье *влахи*, на что косвенно указывают названия некоторых их подразделений (*Смирнова-Сеславинская* 2016б: 28). В 1839 г. канцелярией атамана Черноморского казачьего войска на Кубани принят проект переселения на земли войска части кочующих цыган Новороссии и Бессарабии, с их последующим расселением среди казаков во всех трех войсковых округах (*Кирей* 2010: 17). Хотя документы о переводе цыган в войско не обнаружены, очевидно, проект был реализован, о чем свидетельствуют указания войсковой канцелярии и местных атаманов, связанные с регулярным уходом цыган из войска (Там же).

Начало интрузии в Крым православных цыган относится к периоду не позже 1830-х годов и связывается с миграцией туда украинцев и русских (*Смирнова-Сеславинская* 2016б: 26–29). В 1847 г. в Бахчисарае и Симферополе были обнаружены 499 чел. цыган, приписанных к войскам (см. выше). Указ 1852 г. о проведении рекрутского набора среди цыган Крыма также касался в первую очередь православных цыган (Там же: 22–23). В 1864 г. было реформировано Азовское войско, его большая часть переселена на Кубань. После упразднения войск в 1868 г. часть цыган осела, часть вернулась к своим занятиям и мигрировала (*Анципов* 2000: 73). В переписи 1897 г. цыгане – войсковые казаки отмечены только на Кубани, в количестве 154 душ обоего пола (8,7 % цыган области): в Майкопском, Лабинском и Баталпашинском отделах – районах непосредственной близости к Кавказу (ПВПН. Т. 65: 238–239).

После 1861 г. Формирование кишиневцев. С 1863 г. цыганам из купцов и мещан было разрешено отходить от мест приписки семьями (ПСЗРИ II. № 39321: 185). В это время часть цыганских групп сдвигает и расширяет ареалы своего расселения и передвижения, что особенно заметно в юго-западных регионах. К 1863 г. относится самое раннее известное упоминание о “цыганах Крыма” в Причерноморье (юг Херсонской губ.) (МГСР. Том 24: 543–544), где часть их расселена и сейчас. В том же году в Херсонской губ. были отмечены цыгане Бессарабии (Там же); в течение всех пореформенных десятилетий продолжался их отток в украинские и центральные губернии РИ (*Анципов* 2000: 73). Родственные *кишиневцам катунарри*, *чоконари* и некоторые другие группы неоседлых бессарабских цыган (*лаёшей*) и сейчас расселены в Молдове, Приднестровье и южных областях Украины (ПМСЦ 2). Впрочем, их миграции начались раньше: в области Ростова-на-Дону табор цыган, культурные характеристики которых соотносятся с *лаёшами*, отмечен еще в 1838 г. (*Hell* 1843: 318–320), а передвижение населения

Бессарабии в западную Новороссию (современное Приднестровье, южные части Одесской и Херсонской областей) и на южный Дон проходило с XVIII – начала XIX в. (*Кабузан* 1974: 11–21)²⁵. Во второй половине XIX в. формируются основные подразделения *кишиневцев* – *кишиневцы донские* и *таврические* (последние – на материковой части Таврической губернии)²⁶. Вместе с ними в южных и центральных областях России расселились группы молдавоязычных *лингурáрей* (известны в России под самоназванием *молдавских цыган*).

“Большая кэлдэрарско-ловарская миграция”: середина XIX – начало XX вв.

Движение предков *кишиневцев* совпало с началом в 1860-х годах масштабной миграции цыган в РИ из румынских княжеств и Австро-Венгрии. *Влашские* цыганские группы формировались в румыноязычном ареале, откуда несколько столетий происходили их перемещения в соседние области Османской империи: Болгарию, Грецию, Сербию, Косово, Албанию (*Matras* 2002: 7–8). Старовлашская группа *влáхов/волóхов* еще в первой четверти XVII в. продвинулась на территорию Заднепровья (Правобережная Украина), откуда в XVII–XVIII вв. вместе с цыганами-*сэрвами* постепенно переместилась в юго-западные области РИ (Левобережная Украина и южные регионы РФ). Миграции носителей нововлашских цыганских диалектов (1860–1910-е) начались с социально-экономическими реформами в Валахии и Молдавии (1840–1860-е), включавшими “эмансипацию” цыган с их интеграцией в сельские и городские слои, переходом на оседлость и заметным повышением налогов (*Achim* 1998: 102–127). Существенным фактором трансграничных миграций стало, в период образования Австро-Венгрии и присоединения к ней Трансильвании, издание Францем-Иосифом декрета от 06.11.1865 г. об отмене паспортного контроля для всех покидавших страну (*Marushiakova, Popov* 2006: 13). Ортодоксальные мобильные группы, в большинстве *кэлдэрáри* и *ловáри*, а также *чурáри*²⁷, двигались на Балканы, в Австро-Венгрию, РИ; тогда же в Центральную и Западную Европу вышли некоторые румыноговорящие группы – *рудáри*, *беяши*, *урсáри* (*Achim* 1998: 124). В результате неоднократных и разнонаправленных перемещений, длившихся более полувека и активизировавшихся в период Первой мировой войны и революций в РИ, они широко распространились по Европе, часть переселилась в Америку (Там же: 120–127; ПМСЦ 3). Повторные перемещения затронули группы, как ранее мигрировавшие в соседние страны, так и остававшиеся еще в пределах Румынии и Австро-Венгрии. Вовлеченные в движение подразделения некоторых других общностей за пределами стран исхода консолидировались с демографически и социально более мощными *кэлдэрáрями* и *ловáрями*. Самые ранние имеющиеся данные об этих миграциях относятся к Кубани и к западной Польше 1860-х гг., но ограничение пропуска в РИ “иностраннных” цыган относится к 1856 г. (ПСЗРИ II. № 30911); данное положение вошло в Устав о паспортах 1857 г. и сохранялось до конца существования РИ. По архивным документам губернских правлений, МВД и полиции, особенный наплыв иностраннных цыган в РИ пришелся на конец XIX и начало XX в. (*Черных* 2018: 139–140). Все миграции проходили через западные территории РИ, в основном граничившие с Румынией и Австро-Венгрией: часть – через юго-западные губернии, а часть – севернее, через территорию Царства Польского. В отдельных случаях пересекалась граница с Германией (То же: 140).

Юго-западное направление. Приток цыган из Запрутской Молдавии в Бессарабию отмечен и в 1810-х, и в 1830-х годах (*Зеленчук* 1979: 215). Но в масштабные миграции из-за Прута 1860-х годов были вовлечены мобильные группы, в основном уходившие на восток за пределы Бессарабии. Циркуляр казачьим атаманам Кубанской области (1860-е гг.) предписывал собрать сведения, “проживают ли в их районе цыгане – румынско-подданные” (*Кирей* 2010: 18). По описанию 1879 г., тогда в Новороссии почти все пришлые цыгане были из Бессарабии, Молдавии и даже Турции (Цыганское население 1879). В конце XIX в. в южных областях РИ был высок процент цыган, занимавшихся обработкой металла: 64,5 % на Кубани, 78,3 % в Ставрополье и 50,8 % – в Области Войска Донского (ПВПН. Т. 65: 145; Т. 67: 98; Т. 12: 164). Группы бывших кузнецов (*влахи*,

крымские цыгане) и лудильщиков (*кэлдэрари*) сконцентрированы в данных областях и в настоящее время. К концу 1920-х годов часть “иностранных” цыган была уже длительное время расселена в южных областях Великороссии и в Новороссии, где они носили русские имена (*Varannikov* 1934: 177, 181). Другие передвинулись туда во время или после Первой мировой и гражданской войн (*Ibid*: 176; *Баранников* 1931: 13). Иммигрантов конца XIX в. косвенно можно определить по некоторым данным переписи 1897 г.²⁸

Северо-западное направление. Польская пресса 1850–1870-х гг. содержит многочисленные описания цыган – переселенцев из Австро-Венгрии: богатых таборов *кэлдэрарей* из Румынии и Венгрии и *ловарей* из Трансильвании (*Ficowski* 1985: 78–80). Многие мигранты пересекали границу в Кракове (*Ibid*: 78), что подтверждают данные устной истории (*Сеславинская* 2012; ПМСЦ 3). В заметке петербургской газеты “Голос” в мае 1869 г. был отмечен большой табор венгерских цыган под Петербургом (*В.В.* 1882: 17). К 1882 г. таборы иностранных цыган появлялись “в разных местах” РИ и “под самым Петербургом”, среди них – “венгерские цыгане”, переселявшиеся в Россию с разрешения правительства (*В.В.* 1882: 17). Иммигранты конца XIX в. косвенно выявляются по той же переписи 1897 г.²⁹

В начале XX в. К началу Первой Мировой войны одни группы цыган прошли в Великороссию, другие держались Польши, Белоруссии, Украины или мигрировали между несколькими регионами, некоторые достигли Урала, Сибири и даже Дальнего Востока (*Баранников* 1931: 13; *Сеславинская* 2012; ПМСЦ 3; *Черных* 2018: 143–144). Часть мигрантов, в первую очередь из ремесленных групп, смогли получить виды на жительство и даже гражданство (*В.В.* 1882: 17; *Черных* 2018: 140–143), другие годами передвигались по просроченным видам на жительство или с фальшивыми документами³⁰; по-видимому, многие из них не попали в перепись 1897 г. С началом Первой мировой войны мигрантов из Австро-Венгрии и Германии переселяли от границ вглубь РИ³¹; до середины XX в. цыгане-иммигранты последней волны рассматривались властями как иностранцы и не призывались в армию (ни для срочной службы, ни в действующие войска). Некоторые группы, державшиеся западных регионов РИ, окончательно передвинулись на территории проживания украинско- и русскоговорящего населения в период Первой Мировой войны или во время революций (*Баранников* 1931: 13; ПМСЦ 3). В тот период часть их была депортирована, а многие сами уехали в страны Западной и Северной Европы, в США, на Балканы, несколько групп – в Китай и оттуда – в Латинскую Америку или обратно в Россию (*Achim* 1998: 120–127; *Марушиакова*, *Попов* 2007: 253–257; *Цветков* 2008: 471–472, 482–483; *Сеславинская* 2012; ПМСЦ 3; ПМА 2). В период кризиса 1920-х годов они в поисках заработков продвинулись в зоны крупных городов, куда переместились и семьи некоторых других групп (в частности, *крымских цыган*, *кишиневцев*).

Состав мигрантов и ареалы исхода. По данным 1920-х годов, “иностранные” цыгане Украины и юга России вышли из Румынии и Бессарабии, Венгрии, Сербии (*Баранников* 1931: 13, 20, 29, 32–33; *Varannikov* 1934: 13, 17, 19), что совпадает с данными устной истории (*Деметер-Чарская* 2003: 5; *Петрович* 2007: 6; *Цветков* 2008: 471–472; *Сеславинская* 2012; и др.). У *кэлдэрарей* еще сохраняются в остаточной форме “миграционные” групповые идентичности, соответствующие различной величине миграционным общностям, связанным с областями исхода³²: *молдова́я*, *добружа́я*, *сэрбия́я*, *грэ́куря*, *в́унгери/у́нгери* – обозначения выходцев из румынской Молдавии, Добруджи, Сербии, Греции, Венгрии (*Деметер Р.С.*, *Деметер П.С.* 1981: 243; ПМСЦ 3). Есть также *бэ́нэца́я* “банатцы” (*Ослон* 2018: 8) и *ня́мцу́ро́ни/ня́мцо́ни*³³. У многих *кэлдэрарей* и *ловарей* СССР национальность в паспорте была указана в соответствии со страной исхода, и старшие поколения долго сохраняли эти паспорта (ПМСЦ 2, 3)³⁴. Хотя между некоторыми “нациями” заметны диалектные и культурные различия, длительная история формирования *кэлдэрарских* групп в дунайских княжествах и общая история в РИ и СССР обусловили их консолидацию, чему в немалой степени способствовало развитие брачных связей. В процессе их взаимодействия на новой территории некоторые мелкие общности (*у́нгери*, *бэ́нэца́я*, *ня́мцу́ро́ни*) вошли, в качестве экзогамных подразделений, в

состав крупнейшей общности *молдова́я*³⁵ – это видно по сравнительным данным социальной структуры *кэлдэра́рей* России и Украины 1960–2000-х годов (*Демятер Р. С., Демятер П. С.* 1981: 243; *Петрович* 2007: 518–519; ПМАК; *Ослон* 2018: 8, ПМСЦ 2). В процессе миграций в общности *кэлдэра́рей* вливались отдельные семейные коллективы других этнических групп цыган (или их отдельные представители)³⁶.

Материалы этнической истории и структура *ловáрей* РФ и Украины указывают на их миграции из Венгрии и/или Трансильвании двумя волнами: через Польшу и через Польшу и Украину (*Цветков* 2008: 471–477; *Сеславинская* 2012). Польские публикации XIX в. упоминают торговые группы цыган-“венгерцев”, которых “не надо смешивать с кэлдэра́рями” (*Ficowski* 1985: 78). “Венгерцами” *ловáри* называли себя еще два поколения назад, а одно из двух их крупнейших подразделений так и называется: *унгери* (“венгерцы”); за пределами Венгрии в него влилась группа цыган-*канга́ров*³⁷.

В отличие от семейно-родовых групп цыган – старожилов РИ, которые придерживались ареалов, сложившихся в рамках 1–2 губерний, локальные подразделения *кэлдэра́рей* и *ловáрей* периодически меняли регионы своего пребывания в РИ. Разница в характере миграций групп, составлявших часть этих двух крупных слоев цыган, обусловлена рядом факторов, главные из которых – исторические условия формирования мигрантов “последней волны” в Восточной Европе и облегчение условий передвижения населения (в том числе, цыган из купцов и мещан) в РИ с 1863 г.

Миграционные слои цыганского населения РИ

Периферия расселения цыганских групп Европы находилась на приграничных территориях российского государства. Значительная часть этих общностей в XVII в. стабилизировала свои миграции в рамках отдельных этнокультурных ареалов; в этот же период началось формирование цыганского населения РИ. Большая часть цыганских групп вошла в состав населения РИ в результате присоединения новых территорий. Несколько общностей сложились в процессе миграций и расселения в регионах РИ цыган из Польши, Белоруссии и Литвы, Бессарабии: *русские* и *сибирские цыгане*, *крымы*, *кишиневцы*. В самой РИ области концентрации старожильческих групп (прежде всего, *русских цыган*, *сэрвов*) традиционно соотносились с ареалами расселения привычных им групп окружения. Иначе проходила миграция “последней волны” *кэлдэра́рей* и *ловáрей*, быстро освоивших всю территорию РИ, кроме Средней Азии и Закавказья. На основании проведенного исследования можно выделить следующие крупные этапы формирования и/или миграций основных этнических групп цыган РИ³⁸.

1. Сер. XVII – последняя четверть XVIII в. 1654–1667 гг.: присоединение Северщины, Смоленщины, Левобережной Украины с *сэрвами* (возможно, частью *влахов*) и предками *русских цыган*; заселение ими Слобожанщины. 1703–1710 гг.: присоединение Ингермаландии и балтийских территорий с местным цыганским населением. 1733–1760-е гг.: массовое расселение цыган из Слобожанщины (и соседних великорусских областей) по всей европейской части РИ, их движение на Урал и в Западную Сибирь.

2. Последняя четверть XVIII в. – 1860-е годы. 1774–1783 гг.: присоединение Крыма с цыганами-*урмаче́лями*. 1770–1790-е годы: переселение в Новороссию цыган Бендер и их уход из региона; миграции в Запорожье *сэрвов* Малороссии и *влахов* Заднепровья. Расселение цыган в Западной Сибири. Присоединение части Польши. 1806–1812 гг. – присоединение Бессарабии с местным цыганским населением и переселение в Крым *урсáрей*. С 1830-х годов: миграции в Великороссию и Сибирь *польских цыган*; на Кубань, в Придонье и Крым – части цыган Бессарабии и Новороссии. 1860-е годы: массовые миграции в южные регионы России части цыган Бессарабии.

3. 1860–1910-е годы. Миграции в РИ носителей нововлашских диалектов цыганского языка из территорий проживания румыно- и венгероговорящего населения и некоторых соседних стран. Мигранты “последней волны” расселились от Малороссии и Белоруссии до Западной Сибири, концентрируясь в центральных и южных регионах РИ.

Примечания

¹ Мы рассматриваем основное цыганское население РИ – европейских цыган с общим соционимом *ром*, в большинстве групп выступающим и как эндоним. Цыгане *лом (боши)* Армении и *дом (карачи)* Азербайджана удерживаются в традиционных ареалах расселения; *люли (мугат)* Средней Азии – потомки мигрантов разных лет из областей северо-западной Индии, Афганистана и Белуджистана, появившиеся в РФ в постсоветский период.

² Эти процессы сопровождали любые миграции цыганских групп (Сеславинская 2012).

³ Группы цыган нередко мигрировали вместе со своим окружением.

⁴ Антицыганские законы Польши в XVI–XVII вв. вызвали волну миграций цыган на территорию современной Латвии (Смирнова-Сеславинская 2016а: 35–36; Tcherenkov 1969: 13), в 1-ой пол. XIX в. – в Россию (см. далее).

⁵ Только некоторые описания позволяют судить о том, что передвижение локальной группы связано с поиском торговых ниш (Bell 1763: 157–158), ее регулярными торговыми “рейдами” (Герцен 1931: 219) и пр.

⁶ Свидетельство связей цыган приграничья Речи Посполитой с населением России в сер. XVII в. предоставляют материалы уездного суда г. Мстиславля 1663 г. (Шкунов 2010: 13, 17).

⁷ Речь шла об откупе податных сборов и судеюстве, исполняемых еще в Речи Посполитой *цыганскими атаманами* (сборщиками подати и судьями у цыган), возникновение которых зафиксировано в польских привилеях между 1624 и 1652 гг. (Зиневич 2009: 126). Эта практика сохранялась в российской Малороссии до 1765 г., на Слобожанщине существовала в 1733–1767 гг. (ПСЗРИ I. № 10386: 341; 12587: 598; 6430; 12587).

⁸ *Финска ромá* – цыгане-старожилы Ленинградской обл., жили среди ингерманландских финнов и посещали их кирки, что отражено в статистике Петербургской провинции за 1839 г.; сейчас почти полностью слились с *русскими цыганами* (Смирнова-Сеславинская 2016а: 33–35; ПМСЦ 1).

⁹ В 1766 г. Казанское губернаторство включало Симбирскую провинцию (современную Ульяновскую обл.), Вятскую и Соликамскую провинции (Шайдуллин б.г.) с городами Хлынов (Вятка, сейчас Киров), Кунгур, Соликамск, Пермь, переданными из Сибирской губернии.

¹⁰ Это было спровоцировано введением некоторых крестьянских повинностей в начале 1760-х годов (Багалеи 1887: 564–567).

¹¹ В Оренбурге они появились с 1740-х годов (Там же: 565–566).

¹² Статистика приведена по рукописи 1782 г. “Описание Саратовского наместничества” (Памятная книжка 1860: 43, 57, 71). В тот же период (1763) в Саратове отмечены “малороссияне” (ПСЗРИ I. № 12000).

¹³ Известно о цыганах на Дону в 1786 г., где они занимались кузнечеством и коновальством (Плецев 1786: 103), что указывает на цыган-*сэрвов*, и, возможно, *влахов*.

¹⁴ Основные территории расселения *сэрвов*: Украина, особенно Левобережная, в РФ – юго-запад Центрально-черноземного района, районы средней и нижней Волги, Придонье; *влахи* проживали в Правобережной Украине, Ставрополье и по всем ареалам расселения *сэрвов* (Баранников 1931: 5, 14–15; Varannikov 1934: 7–23; Черенков 2006: 121–122; 2008: 490–492 и др.; ПМСЦ 2).

¹⁵ Например, в области Мстиславля в 1663 г. цыган Лукашевич владел домом с усадьбой (Цит. по: Шкунов 2010: 13, 17).

¹⁶ По устному сообщению А.В. Черных, сделанному в Кишиневе 11.09.2015 (2015 Gypsy Lore Society Annual Meeting and Conference on Romani Studies), архивные документы Пермской обл. указывают на движение цыган в Сибирь основными путями; главная дорога с 1735 г. шла по Сибирскому тракту (Средний Урал).

¹⁷ Особенности говоров и самоидентификация групп *русских цыган* северо-западных областей РФ указывают на их связь с польскими и немецкими цыганами (Tcherenkov 1969: 11–12; ПМСЦ 2; Смирнова-Сеславинская 2016а: 36–37).

¹⁸ В прошлом крымскими цыганами назывались все цыгане Крыма. С 1960-х годов в научных публикациях используются названия, сложившиеся в этнической среде, и *крымскими цыганами* (*крымами* и проч.) называется сформировавшаяся в области Крыма общность цыганоговорящих цыган-*ромов*.

¹⁹ На общее происхождение *крымов* и *урсарей* указывают лингвистические (Tcherenkov 1969: 16–17; Matras 2002: 6; Торопов 2004: 16–17 и др.) и этнографические данные (Торопов 2004: 24; Марушиакова, Попов 2007: 231–233; Tcherenkov 1969: 18; Черенков 2008: 496; и др.).

²⁰ По косвенным данным, *урсары* могли состоять оружейниками и артистами в частях османской армии (Tcherenkov, Laederich 2004: 473; Смирнова-Сеславинская 2016б: 12–13).

²¹ Хотя по полевым материалам 1960-х годов название *люджи* связано с *крымами*, другие данные указывают на то, что оно распространилось (видимо, после *крымов*) на цыган, пришедших в Крым позже из материковой части Новороссии и Малороссии (подробнее см. Смирнова-Сеславинская 2016б: 26–28; Домбровский 1855).

²² Число крепостных владельческих цыган в 30-х – начале 60-х годов <XIX в.> колебалось между 11–13 тыс.; их было значительно больше, чем коронных (Анципов 2000: 66, 272).

²³ Азовское казачье войско, в отличие от Дунайского, было расположено на плодородных землях. Хотя казенных цыган Приазовья включили в казачьи войска, к ним не применили акции принудительного поселения, т.е. собственно цыганские станицы и хутора там не появились (Анципов 2000: 155).

²⁴ В 1840 г. к Дунайскому войску, кроме цыганских поселений, причислено 4 883 чел. цыган обоего пола (Бачиньска 2008: 17), или 814 семейств (Егунов 1864: 118), к Азовскому – 251 семья (Анципов 2000: 71, 273), всего 1065 семей (ПСЗРИ II. № 21555: 730). Но 814 семей цыган, хотя и считались с 1840 г. причисленными к войску, оставались в кочевом состоянии. “Многие из них неизвестно где находились, так что к концу 1840 г. едва можно было собрать сведения только о 500 семействах” (Егунов 1864: 118)

²⁵ Таврические кишиневцы сейчас расселены в этих областях и по всей Правобережной Украине (Черенков 2006:120-121; ПМСЦ 2).

²⁶ Сейчас они называют себя чаще донскими и украинскими кишиневцами.

²⁷ Кэлдэрари (от рум. *căldare* “ведро”) – изготовители и лудильщики металлической посуды, ловари (от венг. *lo* “лошадь”) – торговцы лошадьми; чурари (от цыг. *чурі* “сито”) – изготовители сит. По названию основных участников цыгановеды называют эту миграцию “большой кэлдэрарско-ловарской миграцией”.

²⁸ Так, на Кубани и в Ставрополье отмечены по 8 цыган-католиков, что в Ставрополье соответствует количеству цыган – иностранных подданных (ПВПН. Т. 65: 238–239, т. 67: 132–133).

²⁹ Так, в гор. Гродно отмечена группа из 36 чел. иностранных православных цыган (29 муж.) (ПВПН. Т. 11: 114–117, 290–293), общее количество которых вместе с несколькими другими цыганами-иностранцами губернии составляет 42 чел. (Там же: 288–289), или 20,4 % всех цыган Гродненской губернии.

³⁰ В 1913 г. на постоялых дворах Оренбурга задержаны 22 подданных Австро-Венгрии с паспортами, купленными у других цыган; они заявили, что живут в России многие годы и считают ее своей родиной (Денисов 2013: 46–47). Их фамилии в основном характерны для кэлдэрарей.

³¹ В ноябре 1915 г. в Оренбурге находилось 50 цыганских семей (263 чел.), из них 11 подданных РИ, 227 – Австро-Венгрии, 25 – Германии, с фамилиями венгерского, немецкого, польского, румынского и российского происхождения (Денисов 2013: 48). Около половины фамилий характерны для ловарей, несколько – для кэлдэрарей и синти.

³² Они обозначаются словом кэлд., лов. *нэция/нация*, которое, в зависимости от контекста, может обозначать этническую группу или род (цыган), а также национальность и даже расу.

³³ Переселение из Баната подтверждается материалами польской прессы и устной истории (Ficowski 1985: 78–80; ПМА 2). *Нямцурони/нямциони* РФ, очевидно – часть одноименной миграционной группы болгарских и американских кэлдэрарей (ПМА 3, ПМСЦ 2), возможно, выходцев из румынского уезда Нямц.

³⁴ Эти паспорта уничтожались их владельцами в период репрессий 1930-х гг. и ВОВ.

³⁵ В основе механизма изменения границ общностей лежит брачная политика (Смирнова-Сеславинская 2010; Сеславинская 2012).

³⁶ Например, род *Быяша* (ПМАК) восходит к названию группы румыноговорящих цыган-бешей, *Катунаря* (Деметер Р.С., Деметер П.С. 1981: 243) – к одноименному названию одной из групп цыган-лаэшей Бессарабии.

³⁷ *Канеляри* (от цыг. *канелі* “гребень”) – изготовители гребней.

³⁸ Предварительные краткие варианты периодизации даны в (Смирнова-Сеславинская 2016а: 26–27, 2016б: 7).

Источники и материалы

Багалей 1890 – *Багалей Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. Харьков: Типография К.Л. Счасни, 1890.

Баранников 1931 – *Баранников О.П.* Укравпнські цигани. Київ: АН УССР, 1931.

Бодянский 1875 – *Бодянский О.М.* Реестра всего войска Запорожского после Зборовского договора с Королём Польским Яном Казимиром составленные 1649 года, октября 16-го дня. М.: Издание Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете, 1875.

Буницкий 1861 – *Буницкий К.* О цыганах Екатеринославской губернии // Записки императорского общества сельского хозяйства Южной России. Одесса, январь 1861 г.

В.В. 1882 – *В.В.* Юридическое положение цыган в России. Тифлис: Типография И. Питоева, 1882. ВСОРИ – Военно-статистическое обозрение Российской Империи в 17 т. Т. 11. Ч. 1. СПб.: Типография Департамента Генерального Штаба, 1837–1854.

Герцен 1931 – *Герцен А.И.* Былое и думы. Т. 1. М.; Л.: Государственное издательство, 1931.

- Деметер Р.С., Деметер П.С.* 1981 – *Деметер Р.С., Деметер П.С.* Образцы фольклора цыган-кэлдэрарей. М.: Наука, 1981.
- Деметер–Чарская* 2003 – *Деметер–Чарская О.* Судьба цыганки. М.: Жожаев А.А., 2003.
- Первая всеобщая перепись 1897 – Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям // Демоскоп Weekly. Институт демографии НИУ – ВШЭ. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php (дата обращения: 26.04.2017)
- Домбровский* 1855 – *Домбровский Ф.* Крымские цыгане // С.-Петербургские ведомости. 1855. № 70.
- Егунов* 1864 – *Егунов А.* О цыганах в Бессарабии // Записки Бессарабского областного статистического Комитета / Ред. А.Н. Егунов. Т. 1. Кишинев: Типография Областного Правления, 1864. С. 109–123.
- Киренко* 1897 – *Киренко Г.К.* Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического Губернского Правления (1784–1796) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1897. № 3. С. 1–35.
- Кирей* 2010 – *Кирей Н.И.* Цыгане Краснодарского края. Краснодар: ЮРПЦ, 2010.
- МГСР – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба в 39 т. СПб., 1859–1868.
- ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 330. Карт. 11. Ед. хр. 66. Запись змиевского жителя цыгана Тимоша о продаже лошади воеводскому слуге Науму Иванову. 1669, февраля 21.
- Ослон* 2018 – *Ослон М.В.* Язык русских котляров-молдова. Грамматика кэлдэрарского диалекта цыганского языка в русскоязычном окружении. М.: ЯСК, 2018. Готовится к печати.
- Памятная книжка 1860 – Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 г. Саратов: Типография Саратовского Губернского Правления, 1860.
- ПВПН – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1897–1905.
- Петрович* 2007 – *Петрович О.* (*Муриша ле Ристоск' ай ла Ленако*). Бароны табэра Сапоррони. СПб.: Анима, 2007.
- Плещеев* 1786 – Плещеев С.И. Обозрение Российския Империи в нынешнем ея новоустроенном состоянии. СПб.: Типография Морского Шляхетного Кадетского Корпуса, 1786.
- Плохинский* 1905 – *Плохинский М.М.* Иноземцы в Старой Малороссии. Ч. 1. Греки, цыгане, грузины. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1905.
- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Занятия цыган Владимирской, Московской, Тверской обл. РФ, цыган-нямцурони и лыца Болгарии, 1984–2016 гг.
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Миграции семьи цыган-кэлдэрарей (информант: Занко С.З., 1962 г.р. Марсель, октябрь 2013).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Кэлдэрари-нямцурони Болгарии. София, Полски Трембеш, Левски, 2009–2016 гг. (информанты: М.К., муж., 1951 г.р.; В.К., муж., ок. 1959 г.р.; Д.Д., жен., 1984 г.р.; К.Я. (Гечо), муж., 1954 г.; Б.Б. (Боби), муж. 1955 г.р.
- ПМАК – Полевые материалы О. Абраменко и С. Кулаевой. Список родов *кэлдэрарей* РФ. VIII Международная конференция по цыганскому языкознанию, Институт лингвистических исследований РАН, Петербург, 4–6 сентября 2008 г.
- ПМСЦ 1 – Полевые материалы М.В. Сеславинской и Г.Н. Цветкова. *Финска рома* (Москва, Петербург, 2013–2016 гг.) (информанты: Б.Л.-Х. (Борька-Чэхно), муж., 1946 г.р.; Н.И., муж., ок. 1962 г.р.), *русска рома* (Петербург).
- ПМСЦ 2 – Полевые материалы М.В. Сеславинской и Г.Н. Цветкова. Расселение цыганских групп России и Украины, 1990–2016 гг.
- ПМСЦ 3 – Полевые материалы М.В. Сеславинской и Г.Н. Цветкова. Миграции *ловарей* (Чокеши, Пэкеши, Мадярещи – 9 чел.), Москва, Мытищи, 2002–2012; (Б.Ш., Андришещи, сын Китая, ок. 1948 г.р.), Киев, 2004, 2008, 2011 гг.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Собр. I (1649–1825) в 45 т. Собр. II (1825–1881) в 55 т. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.
- Пыляев* 1891 – *Пыляев М.И.* Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб.: издание А.С. Суворина, 1891.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Скальковский* 1836 – *Скальковский А.А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1731–1823. Ч. 1. С 1730 по 1796 год. Одесса: Городская типография, 1836.
- Скальковский* 1850 – *Скальковский А.А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. Ч. 1. География, этнография и народосчисление Новороссийского края. Одесса: Типография Л. Нитче, 1850.
- Цыганское население 1879 – Цыганское население в Новороссийском крае // Правда. 1879. № 169.

- Шайдуллин б.г. – Шайдуллин Р.В. Казанская губерния // Из татарской энциклопедии: из истории РТ и общественной мысли // Институт татарской энциклопедии. Академия наук Республики Татарстан. http://www.ite.antat.ru/articles/kazanskaya_guberniya.shtml (дата обращения: 26.04.2017)
- Bell* 1763 – *Bell Jh.* Travels from St. Petersburg, in Russia, to Diverse Parts of Asia. In 2 vols. Vol. 2. Glasgow: Foulis, 1763.
- Hell* 1843 – *Hell de, H.X.* Les Steppes de la Mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Voyage pittoresque, historique et scientifique. Vol. I. Paris: Chez P. Bertrand, Éditeur, 1843.
- Kogalnichan* 1837 – *Kogalnichan de, M.* Esquisse sur l'histoire, les moeurs et la langue des cigans, connus en France sous le nom des Bohémiens. Berlin: Librairie de V.Behr, 1837.

Научная литература

- Андроникова И.М.* Приложение // Язык цыганский весь в загадках. Народные афоризмы русских цыган из архива И.М. Андрониковой / Сост. С.В. Кучепатова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 585–620.
- Анциунов И.А.* Казачество российское между Бугом и Дунаем (исторический очерк). Кишинев: И.П.Ф. “Центральная типография”, 2000.
- Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М.: Университетская типография М. Каткова, 1887.
- Бачиньска О.* Цигани-козаки: перебування циган Бессарабії в Дунайському козацькому війську // Наукові записки. Т. 15 / Отв. ред. П. Сохань. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2008. С. 16–23.
- Денисов Д.Н.* Оренбургские цыгане в 60-е годы XVIII – начале XX веков // Цыгане в оренбургском социуме. Оренбург: ООО ИПК “Университет”, 2013. С. 44–49.
- Дятлов В.* “Торговые меньшинства” зарубежного Востока: некоторые подходы к изучению этнических конфликтов в современной России // Этничность и экономика. Вып. 8. СПб.: ЦНСИ, 2000. С. 6–12.
- Заттов И.* Крымскотатарские цыгане “чингенелер” глазами путешественников XVI–XIX вв., в контексте эволюции крымскотатарской народной музыки // Наукові записки. Т. 15 / Отв. ред. П. Сохань. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2008. С. 171–188.
- Зеленчук В.С.* Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. Этнические и социально-демографические процессы. Кишинев: Штеница, 1979.
- Зиневич Н.* Институт цыганских королей в Речи Посполитой (источники и историография) // Гістарыяграфія крыніцы па гісторыі гарадо працэса урбанізацыі Беларусі. Зборнік навуковых артыкулаў. Гродна: ГрДУ. С. 126–138.
- Кабузан В.М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М.: Наука, 1976.
- Кабузан В.М.* Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII – первая половина XIX в.). Кишинев: Штеница, 1974.
- Марушиакова Е, Попов В.* Studii Romani. Том VII. Избрано. София: Парадигма, 2007.
- Марушиакова Е.* Сервизните номади на Балканите // Проблеми на съвременната етнология / Съст. Н. Велчева. София: ЕИМ – БАН, 2004. С. 322–340.
- Сеславинская М.В.* К истории “большой цыганской миграции” в Россию: социокультурная динамика малых групп в свете материалов этнической истории // Культурологический журнал. 2012. № 2. http://www.cr-journal.ru/rus/journals/139.html&j_id=10
- Смирнова-Сеславинская М.В.* Традиционная экономика и уклад как факторы брачной политики и этносоциальных процессов у цыган // Антропологический форум-Online. 2010. № 13. С. 55–74. http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/013online/13_online_seslavinskaya.pdf
- Смирнова-Сеславинская М.В.* Формирование “старожильческого” цыганского населения и его интеграция в сословную систему России в XVII–XVIII вв. // Roma: past, present, future / Ed. H. Kuşuchukov, E. Maruşiakova, V. Popov. Munich: Lincom, 2016a. P. 24–55.
- Смирнова-Сеславинская М.В.* Миграции цыган в южные регионы Российской империи и Крым, формирование общности крымских цыган // Таврический научный обозреватель. 2016b. № 11 (16), ноябрь. С. 5–41.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. 16–20. СПб.: Товарищество “Общественная Польза”, 1896.
- Торопов В.Г.* История и фольклор крымских цыган. М.: Институт Наследия, 2004.
- Хобиманова М.* Икономическа стратификация и взаимодействие: ромите, една етническа страта в източна Словакия (1984) // Циганите: Интердисциплинарна антология. София: Кралица Маб, 2003. С. 277–319.

- Цветков Г.Н.* История и социальное развитие цыган-ловаря // Наукові записки. Т. 15. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2008. С. 471–488.
- Черенков Л.Н.* Некоторые проблемы изучения цыган Украины // Круглий стіл “Рома в Україні. Історичний та етнокультурний розвиток цыган (рома) України (XVI–XX ст.)”, 3 листопада 2006 р. Донецьк: Товариство ромів Донецької області “Рома-Ромен Донбасу”, 2006. С. 114–125.
- Черенков Л.Н.* Цыганская диалектология в Украине. История и современное состояние // Наукові записки. Т. 15. Київ: Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України, 2008. С. 489–503.
- Черных А.В.* Цыгане-кэлдэрары в России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. Вып. 1 (40), 2018. С. 138–148.
- Шкунов В.Н.* Цыгане и торговля в Российской империи // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Вып. № 6 (1). Т. 12. С. 11–18.
- Achim V.* The Roma in Romanian History. Budapest: CEU Press, 1998.
- Varannikov A.P.* The Ukrainian and South Russian Gypsy Dialects. Leningrad: Publishing Office of the Academy, 1934.
- Ficowski J.* Cyganie na polskich drogach. Kraków: Wydawnictwo literackie, 1985.
- Hayden B.* The Cultural Ecology of Service Nomads // The Eastern Anthropologist. 1979. Vol. 32 (4). P. 297–309.
- Marushiakova E., Popov V.* De l’Est à l’Ouest. Chronologie et typologie des migrations tsiganes en Europe (du XVème siècle jusqu’à présent) // Études tsiganes. 2006. Vols. 27–28. P. 10–25.
- Matras Y. Romani. A Linguistic Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Rao A.* (ed.) The Other Nomads, Peripatetic Minorities in Cross-Cultural Perspective. Cologne: Böhlau, 1987.
- Sanarov V.I.* The Siberian Gypsies // Journal of the Gypsy Lore Society. 1970. Vol. III. № 49 (3–4). P. 126–137.
- Shaidurov V.* On the history of the Roma in the Russian empire (second half of the 18th - first quarter of the 19th century) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. № 46 (4). С. 1207–1218.
- Tcherenkov L., Laederich St.* Rroma. Otherwise Known as Gypsies, Gitanos, Γυφτοι, Tiganí, Cingene, Zigeuner, Bohemiens, Travellers, Fahrende etc. Vol. 1. Basel: Schwabe Verlag, 2004.
- Tcherenkov L.N.* Brève esquisse sur les Tsiganes en URSS // Etudes Tsiganes. 1969. Vol. 3. P. 11–25.
- Tenser A.A.* Report on Romani Dialects in Ukraine: Reconciling Linguistic and Ethnographic Data // Romani Studies. 2012. Vol. 22 (1). P. 35–49.
- Toropov V.G.* Crimean Roma. Language and Folklore. Next Page Foundation. Иваново: Изд. центр “Юнона”, 2010.

Research Article

Smirnova-Seslavinskaya, M.V. Romani Groups Migrations and Formation of the Gypsy (Roma) Population in Russian Empire in the 17th – Early 20th Centuries [Migratsii tsyganskikh grupp i formirovanie tsyganskogo naseleniia Rossiiskoi imperii v XVII – nachale XX vv.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 4, pp. 83–99. <https://doi.org/10.31857/S086954150000408-8> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology

Marianna V. Smirnova-Seslavinskaya | <https://orcid.org/0000-0002-7914-8651> | romaunion@mail.ru | Institute for the Roma Studies of Europe and Researches Regarding the Crimes against Humanity and International law (10 Atanasija Pulje St., Zemun, Belgrade, 11080, Serbia)

Keywords

Gypsies (Roma), Russian Empire, migrations, formation of the Gypsy (Romani) population, service nomadism, Romani ethnic groups

Abstract

The article draws on the author's extensive research to examine the causes and timeframe of appearance in the Russian empire of the largest ethnic groups of Gypsies (Roma) which made up the base for the Gypsies (Roma) population of Russia during the period from the 17th through the early 20th centuries: Servy, Russka Roma, Vlachy, Kishiniovtsy, Krymska Roma, Kelderara, Lovara. I briefly analyze the history of formation of the Roma population of Russia in the context of major developments in the state policy towards the Gypsies, and outline the principal stages of this process. I employ an array of sources ranging from historical, ethnographic, and linguistic findings, archival materials and literature, to census data, legislative acts of the Russian empire, and field research.

DOI: 10.31857/S086954150000408-8

References

- Achim, V. 1998. *The Roma in Romanian History*. Budapest: CEU Press.
- Andronikova, I.M. 2006. Prilozhenie [Supplement]. In *Yazyk tsyganskii ves' v zagadkakh. Narodnye aforizmy russkikh tsygan iz arkhiva I.M. Andronikovoï* [Romani is all Riddles. Folk Aphorisms of Russka Roma from the Archive of I.M. Andronikova], edited by S.V. Kuchepatova, 585–620. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Antsupov, I.A. 2000. *Kazachestvo rossiiskoe mezhdru Bugom i Dunaem (istoricheskii ocherk)* [Russian Cossacks between the Bug and the Danube (Historical Essay)]. Kishinev: I.P.F. “Tsentral’naia tipografiia”.
- Bachin’ska, O. 2008. Tsigani-kozaki: perebuvannia tsygan Bessarabii v Dunais’komu kozats’komu viis’ku [Gypsy Cossacks: The Gypsies stay in Bessarabia in the Danube Cossack Army]. In *Naukovi zapiski* [Scientific Notes], edited by P. Sokhan’, 15: 16–23. Kiev: Institut ukrain’skoï arkhieografiï ta dzhereloznavstva im. M.S. Grushevs’kogo NAN Ukraïni.
- Bagalei, D.I. 1887. *Ocherki iz istorii kolonizatsii i byta stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays from the History of Colonization and Everyday Life of the Steppe Margin of the Moscow State]. Moscow: Universitetskaia tipografiia M. Katkova.
- Barannikov, A.P. 1934. *The Ukrainian and South Russian Gypsy Dialects*. Leningrad: Publishing Office of the Academy.
- Cherenkov, L.N. 2006. Nekotorye problemy izucheniia tsygan Ukrainy [Some Problems of Studying the Roma of Ukraine]. In *Kruglii stil “Roma v Ukraïni. Istorichniia etnokul’turnii rozvytok tsygan (roma) Ukraïni (XVI–XX st.)”, 3 listopada 2006 r.* [Round Table “Roma in Ukraine. Historical and Ethno-Cultural Development of Gypsies (Roma) of Ukraine (XVI–XX c.)”, November 3, 2006], 114–125. Donetsk: Tovaristvo romiv Donets’koï oblasti “Roma-Romen Donbasu”.
- Cherenkov, L.N. 2008. Tsyganskaia dialektologiiia v Ukraïne. Istoriia i srovernennoe sostoianie [Romani Dialectology in Ukraine. History and Current Status]. In *Naukovi zapiski* [Scientific Notes], 15: 489–503. Kiev: Institut ukrain’skoï arkhieografiï ta dzhereloznavstva im. M.S. Grushevs’kogo NAN Ukraïni.
- Chernykh, A.V. 2018. Tsygane-kelderary v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [The Kalders Roma in Russia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriia* 1 (40): 138–148.
- Denisov, D.N. 2013. Orenburgskie tsygane v 60-e gody XVIII – nachale XX vekov [Orenburg Gypsies in the 60’s of the XVIII - Early XX Centuries]. In *Tsygane v orenburgskom sotsiume* [Gypsies / Roma in the Orenburg Society], 44–49. Orenburg: OOO IPK “Universitet”.
- Diatlov, V. 2000. “Torgovye men’shinstva” zarubezhnogo Vostoka: nekotorye podkhody k izucheniiu etnicheskikh konfliktov v srovernennoi Rossii [“Trade Minorities” of the Foreign East: Some Approaches to the Study of Ethnic Conflict in Modern Russia]. In *Etnichnost’ i ekonomika* [Ethnicity and Economics], 8: 6–12. St. Petersburg: TsNSI.
- Ficowski, J. 1985. *Cyganie na polskich drogach* [Gypsies on Polish Roads]. Cracow: Wydawnictwo literackie.
- Hayden, B. 1979. The Cultural Ecology of Service Nomads. *The Eastern Anthropologist* 32 (4): 297–309.
- Hushmanova, M. 2003. Ikonomicheska stratifikatsiia i vzaimodeistvie: romite, edna etniceska strata v iztochna Slovakiia (1984) [Economic Stratification and Interaction: Roma, an Ethnic Stratum in Eastern Slovakia (1984)]. In *Tsiganite: Interdistsiplinarna antologiiia* [Gypsies: International Anthropology], 277–319. Sofia: Kralitsa Mab.
- Kabuzan, V.M. 1974. *Narodonaselenie Bessarabskoi oblasti i levoberezhnykh raionov Pridnestrov’ia (konets XVIII – pervaiia polovina XIX v.)* [Peopling of Novorossia (Ekaterinoslav and Kherson gubernias) in the 18th – First Half of the 19th Century (1719–1858)]. Kishinev: Shtinita.
- Kabuzan, V.M. 1976. *Zaselenie Novorossii (Ekaterinoslavskoi i Khersonskoi gubernii) v XVIII – pervoi polovine XIX veka (1719–1858 gg.)* [The Population of the Bessarabian Region and the Left-bank Regions of Transnistria (the End of the 18th – the First Half of the 19th c.)]. Moscow: Nauka.
- Marushiakova, E., and V. Popov. 2007. *Studii Romani. Vol. VII. Izbrano* [Studii Romani. Vol. VII. Selected Articles]. Sofia: Paradigma.
- Marushiakova, E. 2004. Serviznite nomadi na Balkanite [Service Nomads in the Balkans]. In *Problemi na srovermennata etnologiiia* [Problems of Modern Ethnology], edited by N. Velcheva, 322–340. Sofia: EIM – BAN.
- Marushiakova, E., and V. Popov. 2006. De l’Est a l’Ouest. Chronologie et typologie des migrations tsyganen en Europe (du XVème siècle jusqu’à présent) [From the East to the West. Chronology and Typology of the Gypsy Migration in Europe (from the 15th Century up to Present)]. *Études tsyganen* 27–28: 10–25.

- Matras, Y. 2002. *Romani. A Linguistic Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rao, A., ed. 1987. *The Other Nomads, Peripatetic Minorities in Cross-Cultural Perspective*. Cologne: Böhlau.
- Sanarov, V.I. 1970. The Siberian Gypsies. *Journal of the Gypsy Lore Society III* (49/3–4): 126–137.
- Seslavinskaya, M.V. 2012. К истории “bol’shoi tsyganskoi migratsii” v Rossiю: sotsiokul’turnaia dinamika malykh grupp v svete materialov etnicheskoi istorii [On the History of the “Great Migration of the Roma” in Russia: Socio-Cultural Dynamics of Small Groups in the Light of the Ethnic History]. *Kul’urologicheskii zhurnal* 2. http://www.cr-journal.ru/rus/journals/139.html&j_id=10
- Shaidurov, V. 2017. On the history of the Roma in the Russian empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century). *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal* 46 (4): 1207–1218.
- Shkunov, V.N. 2010. Tsygane i torgovlia v Rossiiskoi imperii [Gypsies and Trade in the Russian Empire]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* 12 (6–1): 11–18.
- Smirnova-Seslavinskaya, M.V. 2010. Traditsionnaia ekonomika i ukhad kak faktory brachnoi politiki i etnosotsial’nykh protsessov u tsygan [Traditional Economy and Lifestyle as Factors of Matrimonial Policy and of Ethno-Social Processes in Rom Groups]. *Antropologicheskii forum-Online* 13: 55–74. http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/013online/13_online_seslavinskaya.pdf
- Smirnova-Seslavinskaya, M.V. 2016. Formirovanie “starozhil’cheskogo” tsyganskogo naseleniia i ego integratsiia v soslounnuiu sistemu Rossii v XVII–XVIII vv. [Formation of the “Old” Romani Population and Its Integration in the Russian Class System in the 19–20 Centuries]. In *Roma: past, present, future*, edited by H. Kyuchukov, E. Marushiakova, and V. Popov, 24–55. Munich: Lincom.
- Smirnova-Seslavinskaya, M.V. 2016. Migratsii tsygan v iuzhnye regiony Rossiiskoi imperii i Krym, formirovanie obshchnosti krymskikh tsygan [Roma Migration in the Southern Regions of the Russian Empire and Crimea, Formation of the Crimean Roma (Krymy) Community]. *Tavricheskii nauchnyi obozrevatel’* 11 (16): 5–41.
- Solov’ev, S.M. 1896. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since Ancient Times], 4 (16–20). St. Petersburg: Tovarichestvo “Obshchestvennaia Pol’za”.
- Tcherenkov L., and St. Laederich. 2004. *Rroma. Otherwise Known as Gypsies, Gitanos, Γυφτοι, Jigani, Cingene, Zigeuner, Bohemiens, Travellers, Fahrende etc.* Vol. 1. Basel: Schwabe Verlag.
- Tcherenkov, L.N. 1969. Brève esquisse sur les Tsiganes en URSS [Brief Sketch on Gypsies in the USSR]. *Etudes Tsiganes* 3: 11–25.
- Tenser, A.A. 2012. Report on Romani Dialects in Ukraine: Reconciling Linguistic and Ethnographic Data. *Romani Studies* 22 (1): 35–49.
- Toropov, V.G. 2004. *Istoriia i fol’klor krymskikh tsygan* [History and Folklore of the Crimean Roma]. Moscow: Institut Nasledia.
- Toropov, V.G. 2010. *Crimean Roma. Language and Folklore*. Next Page Foundation. Ivanovo: Izdatel’skii tsentr “Yunona”.
- Tsvetkov, G.N. 2008. Istoriia i sotsial’noe razvitie tsygan-lovara [History and Social Development of the Roma Lovara]. In *Naukovi zapiski* [Scientific Notes], 15: 471–488. Kiev: Institut ukraïn’skoi arkhheografii ta dzhereloznavstva im. M.S. Grushevs’kogo NAN Ukraïni.
- Zaatov, I. 2008. Krymskotatarskie tsygane “chingeneler” glazami puteshestvennikov XVI–XIX vv., v kontekste evoliutsii krymskotatarskoi narodnoi muzyki [The Crimean Tatar Romanies “Chingeneler” in Travellers’ Impressions of the 16th – 19th Centuries in a Context of Crimean Tatar Folk Music Evolution]. In *Naukovi zapiski* [Scientific Notes], edited by P. Sokhan’, 15: 171–188. Kiïv: Institut ukraïn’skoi arkhheografii ta dzhereloznavstva im. M.S. Grushevs’kogo NAN Ukraïni.
- Zelenchuk, V.S. 1979. *Naselenie Bessarabii i Podnestrov’ia v XIX v. Etnicheskie i sotsial’no-demograficheskie protsessy* [The Population of Bessarabia and the Dniester Region in the 19th Century. Ethnic and Socio-Demographic Processes]. Kishinev: Shtinitsa.
- Zinevich, N. 2009. Institut tsyganskikh korolei v Rechi Polspolitoi (istochniki i istoriografii) [Institute of Gypsy Kings in Rzeczpospolita (Sources and Historiography)]. In *Gistariyagrafiia krynitsy pa gistory garado pratsesa urbanizatsy Belarusi. Zbornik navukovykh artykulaj* [Historiography Sources on the History of Cities of Belarus Urbanizatsy Process. Collected Articles], 126–138. Grodna: GrDU.